

Григорий Померанц

Парадокс Бухмана и диалог культур

В обширном наследии Бухмана меня больше всего захватила мысль: «Один человек и Бог – это уже большинство». Парадоксальная структура мысли удивляет, поражает, заставляет задуматься. Для самого Бухмана, по-видимому, толчком было озарение, вызвавшее нравственный поворот и волю приблизиться к Христу.

Из всей жизни Бухмана ясно, что один человек, вступивший в союз с Богом, это человек, готовый к преображению. Без такой готовности нельзя услышать волю Бога, дать свободу Богу в себе и пойти по Божьему следу.

Парадокс Бухмана – не уравнение, где $1+\infty$ =чему-то большому. Второй член этого уравнения, ∞ , не прилагается к первому, как «у» к «х». Бог раскрывается изнутри, как «царствие Божье внутри нас», и управляет изнутри, дает силу изнутри, дает мудрость почувствовать, что назрел поворот, после которого один человек ведет за собой многих.

Тут возникает внешняя аналогия с решимостью Цезаря перейти Рубикон или с решимостью Ленина захватить власть. Однако аналогия эта – ложная. Дух, ведущий к власти, очень далек от порыва преобразиться, стать Новым Адамом. Герои истории остаются в рамках мыслей и чувств Ветхого Адама. «Один человек» Бухмана не похож на них. Он стремится преодолеть в себе Ветхого Адама. Он должен оборвать все связи с миром суеты, стать одиноким, как раскрывает это Мертон в «Философии одиночества». Он должен стать чистым листом, на котором пишет Бог. Он должен открыть ворота царствия внутри нас, впустить в себя Бога, освободить в себе Бога.

Однажды к хасидскому цадику пришла группа верующих со своими вопросами. Но мудрец опередил их встречным вопросом: «Где Бог?» Пришедшие стали повторять то, что прочли в книге: «Бог вездесущ...» и т.п. «Нет», – сказал цадик. – «Бог там, куда его впускают». Он думал о

свободе воли человека – избрать ад или рай, впустить в себя суету мира или голос из великой тишины.

Об этом хорошо сказано в стихотворении Миркиной:

Ежеминутно возле Бога,
Не отрываясь ни на миг!
Сознанием всем, душою всею
Быть вечно здесь, не где-то там...
Нет, предпочел пахать и сеять
И с Божьих глаз ушел Адам.

Инерция забот и страстей уводит человека прочь от созерцания, от тишины, в которой слышен глубинный шепот. Ему скучно в раю. Но жизнь, потерявшая контакт с глубиной, пускает внутрь скуку и уныние. Мы убегаем от них, но они нас догоняют, и в нашем отрыве от самого себя мы постоянно пробегаем мимо святого одиночества, о котором слагал стихи Рильке, одиночество человека, обращенного к глубине. Оно свободно от обиды и ненависти, от партийных и национальных страстей. Это одиночество Нового Адама, открытое одиночеству Бога. Это одиночество узнает миг, когда следовать закону, а когда – нарушить субботу.

Антоний Сурожский, выступая на конференции в Париже, в 1974 году, говорил: «Сколько бы ни были истинны, прекрасны, справедливы наши принципы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье... Мы должны уйти глубже принципов, и сама эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно чисто в канву истории, канву жизни – и благодаря такому созерцанию, глубокому взглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни... Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что

назвал следом Божиим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог»¹.

Некоторые мои друзья называли прозрение Антония мистическим анархизмом. Но не только он говорил о превосходстве живого духа над мертвой буквой. Есть какой-то момент, когда любой принцип становится ложным, любая добродетель – пороком. Преувеличенная бережливость становится скупостью, осторожность – трусостью. Об этом писал еще Фома Аквинский. Как выйти из этой ловушки?

Представим себе венок культуры, сплетенный из многих образов, идей, принципов, законов. Они истинны, пока ограничивают друг друга. Но если одна ветвь начинает расти без всякой меры, развитие становится злокачественным, подобием раковой опухоли.

Или представим себе просто круг целостной истины, превосходящей все слова, а слова, принципы – касательными к кругу. Они истинны, пока не очень удалились от круга. Уходя по прямой линии в дурную бесконечность, они доходят до абсурда.

Антоний Сурожский умел это показывать на простых примерах. Однажды к нему подошел молодой человек и сказал: «Владыка, Вы плохой христианин». «Да, – ответил Антоний, – я плохой христианин. Но почему?» «Потому что вы не признаете абсолютной верности слов: «не противься злему».

«Хорошо, – сказал Антоний, – Допустим, вы пошли гулять с невестой. Вас встретил хулиган, оттолкнул вас и стал валить невесту». «Я встал бы на колени и молился бы, чтобы он отказался от дурного намерения». «А он продолжил бы свое намерение». «Тогда бы я стал молиться, чтобы его дурное намерение не имело бы дурных последствий». «На месте вашей невесты, – сказал Антоний, – я поискал бы другого жениха».

¹ Русский перевод Майданович в «Континенте», № 89.

Так обстоит дело с заповедью «не противиться злему»; но так же – и с призывом к абсолютной правдивости. В драме А.К.Толстого «Смерть Ивана Грозного» Борис Годунов несколькими резкими словами убивает царя. То, что он сказал, было правдой. Царская армия потерпела поражение. Но старое сердце не выдержало правды, разорвалось, престол перешел к Федору Ивановичу, а фактическая власть – в руки Бориса.

Другой пример – из жизни в сталинское время. Даниил Андреев, великий религиозный мыслитель и поэт, читал вслух друзьям роман «Странники ночи». Один из друзей оказался предателем и донес. Арестовали всех, кого запомнил доносчик. На следствии жена Андреева, Алла Александровна, вспомнила и назвала следователю еще несколько фамилий. Всех посадили на десять лет. Когда Сталин умер, осужденных выпустили, и Аллу Александровну попросили объяснить свое поведение. Она отвечала: «Я христианка и лгать не могу».

Бог, которому мы дали свободу действия в нашей душе, знает, когда нарушать правила, записанные в книгах пророков, и когда следовать книге. Мы можем годами идти по торной дороге. Но в иных случаях необходимо нарушать заповеди, как их нарушал Иисус Христос; необходимо нарушить субботу.

Нравственная правда иногда дается скорее поэту, художнику, чем моралисту. У Марии Петровых есть об этом прекрасные строки:

Ты думаешь, правда проста?

Попробуй, скажи.

И сразу немеют уста,

Тоскуя по лжи.

Глубочайшие человеческие чувства не вмещаются в точные слова. Глубочайшие религиозные истины не вмещаются в точные слова. Когда Пилат спросил, что есть истина, Христос молчал. Когда к Христу привели грешницу, он всем своим поведением показал фарисеям, что Бог – это не слово, записанное в книгу, не слово, действующее извне, силой

авторитета, а Святой Дух, веющий всюду и действующий изнутри сердца; и если это нужно, вопреки всем словам, записанным во всех книгах.

Теперь подумаем, что же это за большинство, которое Бог дает. Добился ли Будда большинства? Добился ли Христос? На первый взгляд – да. Целые страны стали буддийскими, христианскими. Но Антоний верно сказал: христианских народов нет. Есть только отдельные христиане. Распространяясь вширь, святое учение сохраняет видимость святости, но теряет глубину, оно теряет жизненность и становится мертвой буквой, мертвым обрядом. За возрождение духа святого учения надо бороться. И беда не столько в преследованиях, сколько в милостях властителей. Широкое распространение христианства не становится торжеством Христа в грубых и лживых сердцах.

Христос не создавал новую религию. Он создавал свободу отступать от книги, когда книга, отрываясь от жизни, начинает лгать. Но эта свобода оказалась не по плечу народам. Народы колебались от буквального выполнения правил, вопреки сердцу, до пренебрежения правилами.

Распространяясь, срастаясь с народными нравами, дух христианства обрастает языческой плотью. То же было и в буддизме. Подробнее см. в моей статье «О причинах упадка буддизма в средневековой Индии»².

Из сочетания духовных озарений и языческой плоти сложилась нынешняя система культурных миров. Культурные круги в иные эпохи были связаны друг с другом, в другие – отделены пространством, как Индия и Китай, или враждой, как христианство и ислам. Внутри культурных кругов периоды единства также сменялись периодами «воюющих царств» (как это называлось в китайских хрониках). Но в Индии и Китае преобладало единство (в Индии – как господство религии «от мира сего», определявшее ход мирских дел кастовым разделением труда); в Китае – как политическое единство, поддержанное единой

² Статья печаталась в «Ученых записках Тартуского университета» и в моем сборнике «Выход из транса» (1995).

культурой иероглифической письменности). В средиземноморском мире преобладало разделение.

С древнейших времен царства здесь сталкивались, разрушались, возрождались, и в ходе истории Средиземноморье оторвалось от архаического мышления с его простой цельностью. Здесь философия отделилась от религии; здесь первенство в философии, в пластических искусствах и в литературе досталось грекам, римлянам – первенство в администрации и праве, евреям – в религиозном обновлении. Здесь возник резкий выбор между многобожием и единобожием. Подавляющее большинство перешло от племенной размытости духовных границ к четкому многобожию. И вопреки всем, развивалось еврейское единобожие. Возможно, этот процесс подталкивал египетский плен, вавилонский плен, отсутствие собственной земли, жизнь среди народов с чужими богами. В противовес им вырастал культ незримого Бога, этически чистого и сурово требовательного.

Прошла тысяча лет, пока христианство, выросшее среди евреев, понадобилось правителям царств и империй. Римский пантеон не создал духовного единства, и в конце концов христианство было поневоле принято и приспособлено к имперским нуждам. Из Ветхого и Нового Завета сложилась новая книга. А в VII веке историческая обстановка позволила выдвинуться еще одному пророку, и появилась третья святая книга – Коран, созвучная средиземноморскому Востоку. С тех пор средиземноморский мир стал единым по вере в единого Бога и разорванным – на три святые книги. Каждая из них требовала безусловного подчинения, и во имя святых книг начались далеко не святые войны.

Монотеизм, по словам Макса Вебера, расколдовал мир, освободил сознание от многих суеверий, проложил дорогу к трезвому использованию природы как человеческой собственности; но все это имело и губительные

последствия, постепенно выплывавшие наружу. Одним из первых была религиозная нетерпимость.

Терпимость установилась в Европе только очень поздно, после тридцатилетней войны, опустошившей Германию. Это было уже в Новое время, когда философия восстановила свою независимость, и она осудила религиозный фанатизм. Терпимость родилась вне религии и отодвинула религию на второе место. Этот процесс постепенно ослаблял веру, и современная Европа стала постхристианской. Ничего подобного не было в Индии и в Китае. Терпимость вытекала здесь из самого характера духовных вершин. В учениях, получивших решающее влияние, мистический опыт признается невыразимым в словах. Безымянное Дао объемлет Дао, имеющее имя. Лаоцзы восхваляет Дао, говоря: «О неясное, о туманное!» И раз оно не тождественно никакому слову, то возможны разные слова, проникнутые единым духом.

В Индии, еще до рубежа II и I тысячелетия до Р.Х., в гимнах вед появилась строка: «одну и ту же птицу мудрецы называют разными именами». Различия богов сводилось здесь к различию имен единой божественной силы. Образ единой птицы тоже постепенно расплывался. В утонченных формах религиозного сознания, в брахманов (не делившихся своими идеями с народом), образы богов не столько очищались, как на Ближнем востоке, сколько просто отодвигались в сторону. В некоторых религиозно-философских системах эти духовно примитивные боги переносились в мир иллюзии, вместе со всем чувственно воспринимаемым миром. Человек, постигший истину, ставший дживан-муктой, освобожденным при жизни, ставился выше богов.

В средневековом монотеистическом мире, христианском или мусульманском, за это бы казнили. В Индии достаточно было сослаться на веды, а в толковании вед царила полная свобода. Однако Рама, герой индийского эпоса, убил шудру, человека низшей касты, читавшего веды. Широта веры была только для брахманов.

Некоторые брахманы почитали ишвару, творца, создавшего мир. Но существовало также течение, отбрасывавшее ишвару, ниришвара. Оно признавало только две реальности, сливавшиеся в одну: Атман и Брахман.

Что такое Брахман? Это лучше всего сказано в словах индийского святого XIX века, Рамакришны: «океан Брахмана, под воздействием порыва веры, принимает облик того бога, который родился в душе верующего». Сходный образ нашел Андрей Тарковский в фильме Солярис. Океан, покрывающий всю поверхность планеты, мыслит и чувствует и может принимать любой образ, чтобы действовать на совесть космонавтов. Развивая образ мистического океана, можно представить себе Атман, как залив океана, личные ворота в сверхличное, в бесконечное и вечное. В древнейшей упанишаде (прозаического комментария к гимнам вед) высшая точка мистического опыта не вмещается ни в какие слова. Мудрец Яджньявалкья отвечает на все попытки определить Атман словами: «Не это! Не это!» На санскрите «На ити! На ити!». Впоследствии это стало мантрой, текстом для медитации.

В другой древней упанишаде отец поучает сына, что такое выход в вечность, в бессмертие, и каждое поучение кончает словами: «Ты – это То!» «Тат твам Аси» тоже стало мантрой. Из местоимения «Тат» возникло существительное «Татхата» и в буддизме породило синоним слово «Будда» (просветленный). Татхагата – человек, тождественный Тому, непостижимо цельному. Какой-то аналог еврейского «Сын Божий».

Буддизм возник в духовном поле упанишад и легко выводится из них. Но веды и упанишады читались только брахманами, а Будда, – воин, а не жрец, – открыл путь в вечность и бессмертие всем. Это вызвало спор, длившийся полторы тысячи лет. Буддизм равнодушен к кастовым различиям, он обращается к личности (как и раннее христианство). А сохранится ли еврейский народ или растворится в «Новом Израиле», в церкви, – этот вопрос христиан не беспокоил. Поэтому буддизм был

изгнан из индийской культуры и христианство – из еврейских общин. Два случая, когда этническое победило вселенское.

Однако спор шел мирно. Некоторые буддисты сжигали себя сами, как индуистские вдовы, подражая супруге Рамы, взошедшей на его погребальный костер. Но они не сжигали и не вешали других. А это изуверство продолжается. В Судане, в конце XX века, повесили Махмуда Таху за необычное толкование Корана.

Религиозная терпимость сближает культуры двух субглобальных регионов, двух ядер культур, распространившихся по обширной равнине. Бросающиеся в глаза различия восходят к глубокой древности. Они отмечались исследователями у нилотских дописьменных племен, динка (преобладание жрецов) и шиллуков (отсутствие жречества; необходимые обряды раз в год совершает вождь; в Китае император, «сын неба»). К этой же древности относится сочетание общеплеменного культа туманного неба с множеством богов и духов частного и даже личного характера. При вторжении логики в мифологию, как в Средиземноморье, эта структура либо теряет свое небо и преобразуется в языческий Олимп, либо сводит богов к херувимам, серафимам и ангелам единого Бога. В Индии и Китае подобного сдвига не произошло. Они сохранили свою архаику, бесконечно обогатив ее, и создали человеческое море носителей высокой культуры, поглощавшее варварские вторжения. И если в Средиземноморье господствуют перемены, то в Индии и Китае – устойчивость, связывающая сегодняшний день с днями Ашоки и Конфуция. Сегодня, когда динамизм Запада развязал силы, с которыми не может справиться, мы начинаем это ценить.

В Индии до сих пор нет кризиса веры. Китай пережил глубокий кризис при Цинь Шихуанди, и второй кризис – в XX в. Но в течение двух тысяч лет царил конфуцианская и буддийская терпимость. Конфуцианцы две тысячи лет заботливо переписывали и хранили книгу Шан Яна, где идеи Конфуция назывались червями, пожирающими государство.

Китайские буддисты, переплывшие в Японию, сочли нужным преподавать там конфуцианскую этику, полезную для молодого японского государства; хотя спор конфуцианства с буддизмом никогда не прекращался. В сверхнациональном единстве диалог учений заменяет диалог национальных культур, характерный в Европе.

Какой же смысл имеет слово большинство, о котором говорил Бухман, в мире, где группы культур отличаются друг от друга как разные планеты? Мы привыкли к тому, что европейская планета развивалась, как диалог наций, из которых то одна, то другая лидировала. Но сейчас сдвинулись целые культурные миры, и они пошли иначе, чем мы ждали. И глобальная цивилизация не становится большой Европой или большой Америкой. Приходится думать, как выстроится диалог культурных кругов, без объединяющего начала в общем наследии Средиземноморья. Лидерство явно ускользает от Европы, ускользает от Америки и видимо уступило место диалогу, в котором на равных участвуют культурные миры Азии, тысячелетиями развивавшиеся по своей собственной логике.

Я выношу за скобки проблемы России, выношу за скобки своеобразную культуру Тибета. Я хочу прежде понять как целое систему культур, в которую входит и монотеистический мир, и миры, сложившиеся вокруг ядра в Индии и Китае. Мне кажется, что эта глобальная система возникла не без высшей воли. Ибо человечество как целое еще не сотворено. Оно творится. И сегодня «большинство» не принадлежит ни христианству, ни исламу, ни Индии, ни Дальнему Востоку. Большинство принадлежит духу диалога, витающему над различием реплик.

Замечательным событием в этом диалоге была конференция семинара христианской медитации имени Джона Мейна в Лондоне, в 1994 году. Руководство конференцией было предложено Далай Ламе. Он выбрал для анализа восемь фрагментов Евангелия и разбирал их, сравнивая с традициями ламаизма. Иногда он сам задавал вопросы, и его

сопредседатель, бенедектинец, ему отвечал. Не было случая, чтобы они не нашли общий язык.

Каждый день конференции начинался с медитации. Далай Лама зажигал свечу, остальные зажигали от нее свои свечи, и полчаса проходило в безмолвии. Участники говорили, что именно в эти полчаса они глубже чувствовали дух единства, не помраченный различием слов.

Материалы конференции были изданы в 1997 г. со словарями буддийских терминов для христиан и христианских – для буддистов. Мне особенно запомнилось определение вечности: «не утомительная длительность, а выход за рамки всякой двойственности, в том числе двойственности начала и конца». Если вдуматься в эти слова, возникает чувство глубокой гармонии. Мне запомнилось также выступление Далай Ламы в Осло. Он говорил там о своем паломничестве в Святую землю христиан, после которого последовало паломничество христиан в Индию, к священному для буддистов дереву Бодхи.

Это один из важнейших путей диалога, но, конечно, не единственный. Широкие круги захватывает скорее диалог искусств – живописи, поэзии, музыки. Хочется вспомнить, что в 1946 году, когда немецкая делегация, приглашенная Бухманом, чуть не была изгнана из Ко, Иегуди Менухин приехал в Германию с циклом концертов. Он всю жизнь думал о роли искусства в сближении народов и незадолго до своей смерти приезжал в Москву, обсудить эту возможность на встрече, длившейся несколько часов. Я хорошо ее помню.

Господин Махнун уже говорил здесь, что трудности диалога с исламом не вечны. Фанатизм – временное состояние культуры, а не ее постоянное свойство. Мавританская Испания в правление Омейядов, до вторжений с юга и севера, была самым терпимым государством в Европе. Мусульмане, иудеи, христиане мирно сотрудничали в создании цветущей культуры. И я думаю, что это возможно и в будущем. Дух диалога – дух Божий, и если человечество не погибнет, он завоеует большинство.

Вспоминая слова, сказанные ливанским поэтом Халилом Джебраном о Христе, я хочу сказать: один человек вместе с Богом, даже побежденный, знает, что он победитель.